

Ева Стелла
Отпуск

Ева Стелла

Отпуск

<https://litres.ru/74214484>

Аннотация

Она приехала в элитный пансионат, чтобы забыть о работе и наслаждаться тишиной. Вместо этого нашла странные кражи, анонимные записки и соседа, от которого невозможно отмахнуться.

Марк - самоуверенный, острозыкий и до неприличия обаятельный. Их перепалки искрятся, а притяжение становится сильнее любых тайн.

Когда подозрение падает на него, Кира встаёт на его сторону. Вместе они начинают расследование - балансируя между желанием докопаться до правды и попытками не выдать то, что уже очевидно.

Это отпуск, который перевернул всё. История о том, как случайная встреча становится судьбой.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

ПРОЛОГ

Восемьсот сорок седьмой раз за сегодня Кира Демидова подумала о том, что неплохо бы иметь вторую пару лёгких. Или хотя бы третью руку, чтобы держать телефон, планшет и чашку с остывшим кофе одновременно. Вместо этого у неё была одна пара лёгких, две руки и чувство, что она уже несколько лет не делала полноценного выдоха.

- Кира, ты слышишь меня? - голос в трубке звучал так, будто его обладательница жевала сухой песок и одновременно пыталась звучать радостно. - Ты вообще там?

- Слышу, Лен, - Кира переместила телефон к другому уху, прижимая его плечом к щеке, и открыла ноутбук левой рукой, потому что правая всё ещё удерживала планшет с презентацией, которую нужно было сдать... когда? Ах да, два часа назад. - Я просто пытаюсь понять, какой из моих органов сейчас откажет первым. Голосование открыто. Принимаются ставки.

Лена хмыкнула. У неё была манера хмыкать так, что это звучало одновременно как смех и как сочувствие - редкий талант, который Кира очень ценила в подруге. Особенно в такие дни, когда жизнь казалась бесконечным списком задач, написанных мелким шрифтом.

- Слушай, - сказала Лена, и в её голосе послышалась та нота, которую Кира научилась распознавать за двадцать лет

дружбы. Нота «я знаю, что тебе нужно, и сейчас я скажу тебе то, что ты сама боишься себе признать». - Ты когда в последний раз была в отпуске?

- Что? - Кира нахмурилась, пытаясь вспомнить что-то, что не было связано с дедлайнами. - Я была... ну, в прошлом году. Мы же ездили в тот... подожди.

- Мы не ездили в прошлом году, - спокойно сказала Лена. - Ты отменила поездку за два дня до вылета, потому что у тебя был проект. Мы не ездили и позапрошлым годом. И если мы копнём ещё глубже...

- Хватит, - Кира закрыла глаза и почувствовала, как под веками пульсирует что-то, похожее на усталость в чистом виде. - Я поняла. Я сгораю на работе, мне нужен отдых, я скоро превращусь в пыль. Я это знаю, Лен. Но у меня сейчас...

- У тебя сейчас ничего нет, - перебила Лена, и это было так нехарактерно для неё, что Кира открыла глаза. - Кира, послушай меня. Я нашла место. Идеальное место. Там нет интернета. Или почти нет. Там есть горы, озеро и люди, которые не будут задавать тебе вопросов о том, как у тебя дела с проектами. Ты поедешь.

Это был не вопрос, а приказ, оформленный в виде утвердительного предложения, и Кира, которая привыкла отдавать приказы, вдруг почувствовала, что ей это приятно. Потому что иногда очень хочется, чтобы кто-то другой взял на себя ответственность. Даже если это всего лишь бронь в отеле, о котором ты ничего не знаешь.

- Как называется? - спросила она, и голос её звучал устало, но в нём уже проскальзывала искорка - та самая, которая загорается, когда ты понимаешь, что скоро всё закончится. Скоро ты перестанешь быть менеджером, пиарщицей, координатором, переговорщиком, спасателем мира и станешь просто человеком, который сидит на берегу и смотрит на воду.

- «Аметист», - сказала Лена. - Это пансионат в горах. Дорогой, но ты можешь себе позволить. И поверь мне: лучше ты потратишь деньги на три недели тишины, чем на психотерапевта, к которому придёшь с нервным тиком и синдромом самозванца.

Кира усмехнулась:

- Это была попытка?..

- Это была любовь, - ответила Лена. - Через три дня я пришлю тебе ссылку. Ты бронируешь номер. Скажешь, что едешь в командировку - чтобы избежать вопросов. Уедешь. И не будешь брать с собой ноутбук.

- Я не могу не взять ноутбук, - Кира посмотрела на свой ноутбук, который мирно лежал на столе, прикрытый папками и стикерами. - У меня там жизнь.

- У тебя там рабство, - мягко сказала Лена. - Ты знаешь это лучше меня. Ты просто боишься это признать, потому что если признаешь - придётся что-то менять. А менять страшно. Я понимаю. Но, Кира, если ты не изменишь что-то сейчас, ты изменишься сама. И не в лучшую сторону.

В трубке повисла тишина. Кира смотрела на свой календарь - синий, зелёный, жёлтый, цвета, которыми она помечала разные проекты. Там было всё: конференции, встречи, презентации, дедлайны, созвоны. Там не было ничего, что имело бы цвет радости или покоя. Просто бесконечная череда задач, каждая из которых казалась важной, и каждая из которых в отдельности могла подождать, но вместе они создавали эту стену, через которую не было видно света.

- Хорошо, - сказала она наконец. - Я подумаю.

- Нет, - отрезала Лена. - Ты не подумаешь. Ты сделаешь. Через три дня я пришлю тебе ссылку. Ты забронируешь номер. А теперь иди работать. Но запомни: через две недели ты будешь сидеть на берегу озера и благодарить меня.

Кира хотела сказать что-то ещё, но Лена уже отключилась. И в этой короткой паузе, когда трубка перестала гудеть и в комнате наступила та особенная тишина, которая бывает только когда ты одна, Кира вдруг поняла: Лена права. Она не помнила, когда в последний раз делала что-то просто для себя. Когда в последний раз смотрела на закат и не думала о том, какие посты нужно написать. Когда в последний раз просыпалась без чувства, что уже опоздала.

Она закрыла ноутбук. Отодвинула планшет. И позволила себе просто посидеть пять минут в тишине, глядя в окно на серое небо Москвы, которое казалось таким далёким и таким чужим.

Через три дня она получила ссылку.

Ещё через три дня - забронировала номер.

А ещё через десять дней, когда она сидела в такси, направляющемся в аэропорт, она всё ещё не верила, что это происходит на самом деле. Что она, Кира Демидова, которая не брала отпуск три года и три месяца, которая отвечала на сообщения даже в туалете и которая довела до нервного срыва трёх стажёров, - она действительно уезжает. На три недели. В горы.

В её сумке не было ноутбука.

Был только сборник рассказов, который она купила в аэропорту, глядя на обложку и думая: «Ну, хотя бы попытаюсь».

И когда самолёт оторвался от земли, и Москва начала удаляться, превращаясь в серую точку среди облаков, Кира закрыла глаза и позволила себе улыбнуться.

Она не знала, что ждёт её в «Аметисте». Она не знала о странных происшествиях, о Марке - этом человеке, который изменит всё. Она просто знала, что впервые за долгое время ей хочется жить. Не бежать, не догонять, не спасать, а просто жить. Дышать. Существовать.

И это чувство было похоже на первый глоток воды после долгой жажды.

- Ну что ж, - прошептала она, глядя в иллюминатор, где облака расступились, открывая вид на горы. - Давай посмотрим, что ты мне приготовил, «Аметист».

Самолёт дрогнул, проходя через зону турбулентности, и

Кира вцепилась в подлокотник. Но даже страх не мог испортить ей настроения.

Она едет в отпуск.

Наконец-то.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первый вдох горного воздуха был похож на удар - мягкий, но ощутимый. Кира почувствовала, как её лёгкие, привыкшие к московской смеси выхлопных газов, остатков чужого парфюма и вечной пыли, вдруг расправились, словно удивлённые тем, что можно дышать иначе. Воздух здесь был чистым настолько, что у него появился вкус - сладковато-холодный, с лёгкой ноткой хвои и влажного камня, и ещё чего-то неуловимого, что Кира мысленно назвала «запахом свободы». Потому что именно так, по её мнению, должна пахнуть свобода - свежестью, зеленью и той особенной тишиной, которая бывает только в горах.

Она остановилась на пороге, прикрыла глаза и дала себе ровно тридцать секунд на то, чтобы привыкнуть к этой новой реальности. Тридцать секунд, за которые её нервная система перестраивалась с московского ритма на горный - медленный, размеренный, почти ленивый. За спиной остались очереди в аэропорту, бесконечные перелёты с пересадками, таксист, который всю дорогу рассказывал ей о своей коллекции марок, и чувство, что она что-то забыла. Она забыла свой ноутбук, и это было частью плана, но её подсознание всё ещё пыталось паниковать по привычке.

- Господи, - прошептала она, открывая глаза и окидывая взглядом главное здание пансионата. - Они построили этот

храм из облаков? Или я умерла и попала в рекламный буклет?

Здание было именно таким, как на фотографиях, которые прислала Лена, и даже лучше - потому что ни один объектив не мог передать тот особенный свет, который лился с неба, смешиваясь с золотом сосновых стволов и серебром скал. Солнце стояло высоко, но его лучи пробивались сквозь редкие облака, создавая эффект, который художники называют «божественным освещением», когда свет падает не сверху, а откуда-то из-за спины, и кажется, что сами горы излучают тепло.

«Аметист» стоял на полпути к вершине, вцепившись в склон, как драгоценный камень в оправу из гранита и зелени. Его архитектура была тем редким случаем, когда старомодное и современное не просто уживаются, а создают нечто третье, совершенно новое. Белые колонны, поддерживающие терракотовые крыши, выглядели так, будто их возвели ещё в прошлом веке, но огромные панорамные окна отражали облака с такой чёткостью, что Кира на мгновение засомневалась: а не зеркало ли это? Деревянные балки, идущие по фасаду, были покрыты лёгкой патиной времени, и их тёплый золотистый цвет создавал идеальный контраст с прохладным белым камнем стен.

Главный вход украшала массивная дверь из тёмного дуба - такая тяжёлая, что, казалось, её не сдвинуть с места даже десятку человек. Но когда Кира подошла ближе, дверь бес-

шумно отворилась, словно приглашая её войти, и она заметила, что створки оснащены хитрым механизмом, который позволял открывать их одним движением пальца. На поверхности двери была вырезана искусная резьба: ветви аметистовых гроздей винограда, обвивающие сосны, и мелкие детали - шишки, иголки, даже крошечные капли росы - были выполнены с такой точностью, что Кира провела пальцами по дереву, чувствуя, как гладкая поверхность переходит в углубления, и на мгновение задержалась, вспомнив, как в детстве она точно так же водила пальцами по резным перилам бабушкиного дома.

Тогда мир казался огромным и безопасным, а лето - бесконечным. Она вспомнила, как сидела на этих перилах, свесив ноги, и смотрела на сад, где росли яблони и вишни, и как бабушка выходила на крыльцо с чашкой чая и говорила: «Кирочка, ты вся в мечтах. Иди лучше помоги мне полить цветы». А она не хотела поливать цветы - она хотела мечтать, потому что мечты тогда казались реальнее, чем всё остальное. И сейчас, стоя у дверей «Аметиста», она почувствовала, как что-то тёплое и давно забытое шевельнулось в груди - то самое чувство, которое она похоронила под слоями отчётов и презентаций.

Она поймала себя на улыбке и тут же одёрнула: ну всё, начинается. Сентиментальность. Первый симптом отпуска. Через пару дней она будет писать стихи о восходе солнца и искать смысл жизни в каждом камне.

- Добро пожаловать в «Аметист», - раздался голос, и Кира обернулась.

Перед ней стоял портье - высокий, седовласый мужчина с такой безупречной осанкой, что казалось, его спину выливали из бетона, а потом шлифовали наждачной бумагой до идеальной гладкости. На вид ему было около шестидесяти, но его движения были на удивление плавными и грациозными - словно он танцевал, даже когда просто стоял на месте. Его тёмные глаза смотрели с лёгкой, едва заметной улыбкой - той, которая появляется у людей, знающих о вас больше, чем вы сами, но не собирающихся этим пользоваться. Он был одет в форменный пиджак цвета тёмной вишни, который сидел на нём так идеально, будто его шили по индивидуальным меркам, и на лацкане блестел небольшой золотой значок с именем «Игнацио».

- Кира Демидова? - спросил он, и в его голосе проскользнула едва уловимая музыка итальянского акцента - такая лёгкая, что Кира не сразу поняла, откуда это ощущение. Будто слова обволакивались тёплым шёлком, даже самые обычные.

- Ваш номер готов. Шестой этаж, вид на озеро. Прошу, следуйте за мной.

Она пошла за ним, отмечая про себя каждую деталь: аромат полированного дерева и цветов - белых орхидей в высоких вазах, стоящих на каждом углу; звук её собственных шагов, заглушаемый мягким ковром в коридоре; свет, льющийся из высоких окон, которые выходили во внутренний

двор с фонтаном. Фонтан был тем, что оставляло бы равнодушным любого, кто не ценит красоту, но Киру он заставил остановиться на мгновение. Чаша из тёмного мрамора была настолько глубокого фиолетового цвета, что казалась почти чёрной, и из её центра била струя воды, которая на солнце превращалась в миллиарды искрящихся брызг. Вокруг чаши росли кусты лаванды, их фиолетовые соцветия покачивались на лёгком ветру, и этот ветер, проникающий через открытые арки коридора, приносил с собой аромат горьковатой свежести - тот самый, который Кира уже успела полюбить.

- Ваша соседка справа - миссис Уилсон, - негромко произнёс Игнацио, пока они стояли в холле, ожидая лифт. Его голос был достаточно тихим, чтобы не нарушать ту особую атмосферу, которая царила в здании, но достаточно чётким, чтобы Кира слышала каждое слово. - Дама преклонных лет, очень тихая. Она приезжает сюда каждый год на день рождения своего мужа. Он умер десять лет назад, но она говорит, что здесь его дух живёт в каждом камне.

- Это... трогательно, - сказала Кира, чувствуя, как её голос звучит немного глухо в этом огромном пространстве.

- Да, - согласился Игнацио, и его лицо на мгновение омрачилось тенью грусти. - Она хранит верность памяти. Это красиво. В мире, где всё забывается так быстро, это редкость.

Он замолчал на секунду, словно размышляя, стоит ли продолжать, а затем сказал:

- Слева у нас номер временно свободен, но к концу неде-

ли должны заселиться новые гости. Молодая пара. Кажется, у них медовый месяц. - Он сделал паузу и добавил с лёгкой иронией: - Будут много целоваться и не обращать внимания на окружающих. Это тоже красиво, но немного... утомительно для персонала.

Кира усмехнулась, представив себе эту картину. Она не могла припомнить, когда в последний раз видела пару, которая целуется на публике, не вызывая в ней раздражения. Может быть, она просто слишком долго работала?

- А прямо напротив... - Игнацио снова замолчал, и Кира заметила, как его брови слегка приподнялись - движение, которое он явно не контролировал, потому что его лицо осталось абсолютно спокойным. - Прямо напротив - номер мистера Торна.

- Мистер Торн, - повторила Кира, стараясь запомнить имя. - А кто он?

- Инвестор, - ответил Игнацио, и это прозвучало так, будто он произнёс «личность сложная и неоднозначная». - Или, возможно, консультант. Или просто человек, который любит создавать впечатление, что он что-то значит. - Он пожал плечами, и этот жест был столь изящным, что Кира на миг залюбовалась им. В этом движении было что-то от танцора, который десятилетиями репетировал даже свои случайные движения. - У него специфическое чувство юмора. Если вы встретите его, не принимайте слишком близко к сердцу то, что он говорит. И не пытайтесь спорить, если он утверждает

ет, что кофе нужно варить только в медной турке. Он может говорить об этом часами.

- Я запомню, - сказала Кира, и в её голосе проскользнула лёгкая насмешка. - Мне, кстати, кажется, что кофе нужно варить в турке. Это же очевидно.

Игнацио посмотрел на неё с выражением, которое трудно было прочесть: то ли удивление, то ли одобрение, то ли лёгкая тревога.

- Тогда у вас будет очень интересный отпуск, - произнёс он и нажал кнопку лифта.

Лифт был отделан деревом и медью, и Кира увидела своё отражение в полированной поверхности - бледное, с лёгкой тенью усталости под глазами, которую она тщательно маскировала тональным кремом, но сейчас, при этом странном освещении, она казалась почти прозрачной. Она провела рукой по волосам - короткая стрижка, сделанная за неделю до отъезда, уже успела обрести лёгкую небрежность, и это ей даже нравилось. Никаких больше укладок на час, никаких строгих пучков, никаких заколок, которые вечно терялись в самый ответственный момент. Она хотела быть свободной как эти облака за окном, которые тянулись к горизонту, белые и пушистые, обещающие дождь к вечеру.

Шестой этаж встретил её тишиной - той особенной, которая бывает только в отелях высокого класса, где ковры настолько толстые, что гасят все звуки, а двери сделаны так, чтобы не скрипеть даже после ста лет использования. Кори-

дор был залит мягким светом, который лился из встроенных в потолок ламп, и стены были покрыты шёлковыми обоями цвета слоновой кости, на которых висели небольшие акварели - горные пейзажи, озёра, леса. Кира заметила, что каждая картина была подписана одним и тем же именем - «А. Орлов», - и подумала, что, возможно, это был местный художник, который жил здесь и рисовал то, что видел из окна.

Игнацио открыл дверь номера, и Кира замерла на пороге, забыв, что нужно дышать.

Комната была просторной, залитой светом от пола до потолка. Огромное окно занимало почти всю стену, и оно выходило на озеро - такое синее, что казалось, небо просто упало на землю и разбилось, превратившись в миллиарды сверкающих осколков. Горы на другом берегу были подёрнуты дымкой, и их вершины терялись в облаках, делая пейзаж похожим на гравюру из старинной книги - ту самую, которую она в детстве рассматривала часами, представляя себя героиней приключений. У самого берега вода была настолько прозрачной, что Кира видела камни на дне, покрытые зелёным мхом, который шевелился от течения, создавая причудливые узоры. Несколько уток плавали у пирса, и одна из них нырнула, исчезнув под водой на несколько секунд, а затем вынырнула с какой-то маленькой рыбёшкой в клюве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.